

Тогда разработали проект вот этого здания. В нем для удобства студентов были предусмотрены даже подземные переходы от института до общежитий. (Со вздохом) Богатейший был проект, но от него, как говорится, остались рожки да ножки. Лобачев очень сопротивлялся тому, чтобы площадку под строительство отвели здесь, на Ключ-Камышенском плато. За это его и сняли с работы, перевели во Владимир — раньше же партия все решала быстро. А новый корпус начали строить в 1968 году. Финансирование очень сильно сократили, но кое-что все-таки сделали — например, наш большой актовый зал. И, тем не менее, я, побывав во всех педуниверситетах нашей страны, могу сказать, что такого педагоги-

вынуждено работать. А от этого меняется и отношение преподавателей к студентам. Мне как-то жалко наказывать, завышать требования. Я необъективна, потому что люблю студентов (улыбается). Я могу наругать-наругать-наругать... а потом вот что... (показывает экзаменационную ведомость, где почти все оценки — «хорошо» и «отлично»).

— А нас, студентов, если не ругать, так мы и учиться не будем!..

— (Смеется) Правда, наверное! Вот и я жалуясь на них, а приходят на экзамен — и все готовы хорошо... Я всегда удивляюсь: мои ученики с удовольствием слушают лекции о том времени, когда все менялось, ломалось и крушилось — о революции, коллективизации, восстаниях... Когда я только начинала преподавать, мне казалось, что эта тема будет мало интересовать студентов. А они еще и множество вопросов задают!

— Екатерина Ивановна, Вы говорили, что любите студентов, и у меня возник провокационный вопрос: как вы относитесь к шпаргалкам на экзамене?

— Ой-ой-ой! (На лице Е. И. Соловьевой — искреннее изумление) Такого у меня не бывает. Всего один раз студент привязал веревочкой вот так (показывает на руке) все, что ему надо. Потом был очень неприятный разговор. И за последнее время я,

плохой преподаватель. Без семьи человек черствеет, и в аудитории он уже не такой.

— А Вы предполагаете, что Ваш сын станет археологом, доктором наук?

— Когда Саша был маленьким, мы вообще отдали его в музыкальную школу. Тогда, знаете, было массовое стремление дать детям музыкальное образование, которого я сейчас с высоты прожитых лет не одобряю. Ему было 4 года, когда мы привели его на прослушивание. И не куда-нибудь, а в консерваторию! Представляете, как у нас с мужем закружилась голова, когда нам сказали, что у ребенка абсолютный музыкальный слух! «Вы непременно отдайте его на скрипку», — советовали нам педагоги. А

«четверки» по физкультуре

ческого вуза, как наш, я нигде не видела. Институт постепенно развивался, при ректоре Леониде Федоровиче Колесникове появилась аспирантура, где стали готовить свои кадры. И мы доросли до того, что стали единственным в стране ПЕДАГОГИЧЕСКИМ университетом, который награжден Орденом Трудового Красного Знамени.

— Вы были проректором по научной работе, а потом, с 1981 по 1988 годы, и ректором НГПИ. Что было для Вас главным в работе на этих должностях?

— Нужно было подготовить кадры. А это, прежде всего, открытие аспирантуры. Я была в НГПИ первой аспиранткой, защитилась в 1953 году, и аспирантуру закрыли, потому что не было руководителя. Когда я была проректором, мы возобновили ее работу, а потом открылась и докторантура. Тогда у нас было огромное мелкотемье: около 400 тем научной работы. А это такая мелкота, в которой и защититься трудно, и вообще непонятно, зачем она нужна. Мы объединили их в 13 или 14 больших блоков. Они и сейчас живут, по ним уже сформировались настоящие научные школы.

— А как меняются студенты со временем?

— О наших студентах можно сказать только все самое хорошее. Многие из них стали прекрасными преподавателями, крупными руководителями, известными учеными. Со времени перестройки студентам стало очень трудно жить. Большинство

кроме этого случая, не помню шпаргалок. Как-то не любят шпаргалочников у нас в институте, и не только я. Я, например, на экзамене разрешаю пользоваться учебниками, хрестоматиями. Но бывает, что даже так студент не может сдать на хорошую оценку, потому что не умеет размышлять.

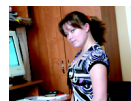
— Умение размышлять — это, наверное, главное для молодого ученого?

— Конечно. Ученый должен познавать свою науку, копаясь в архивах. А, кроме того, он должен обладать душевной щедр-

мы мало что в этом понимали (улыбается): «Скрипка?! Ну что это — скрипка? Вот пианино — это да!» Но сын попал к плохому преподавателю, который начисто отбил у него все желание заниматься музыкой. После окончания музыкальной школы пианино закрыли и больше не открывали (смеется). Но интерес к археологии — это действительно от меня. Когда он только пошел в школу, я читала в институте лекции по археологии. Сама на раскопках ни разу не была. Зубрила все по книгам, а потом, пока вела сына в школу, «репетировала» лекции. Наверное, с этих впечатлений все и началось.

— Существует мнение, что в наше время история уже изучена, и поэтому появляются псевдоисторические труды. Что вы по этому поводу думаете?

— Настоящий историк никогда не скажет, что все исследовано. У него такое даже в голове не промелькнет. По-моему, сколько будет жить человечество, столько и будет идти процесс исследования истории. А лжетруды... Трудно сказать, почему они появляются... (задумчиво) Может быть, человек не состоялся в науке, вот и придумывает что-то, а может быть, это просто выгодный проект. Незвезданого много, и на каждом витке человеческой истории появляются новые концепции, новые возможности осмысления, новые теории.

Юлия
Горопова